

Субботный клуб «У «Молодежки»

В Баку с большим успехом проходят гастроли Московского театра имени Ленинского комсомола. Каждый спектакль как бы заново открывает для зрителей полубившихся по кинематографу артистов, знакомит с новыми именами. Разумеется, мы не могли не воспользоваться представившейся возможностью встретиться со «звездами» театра и попросили их ответить на несколько вопросов.

Евгений Леонов,

народный артист СССР

Евгений Павлович репетировал во Дворце имени В. И. Ленина «Диктатуру совести», свой монолог, с которого и началась наша беседа.

— Евгений Павлович, в этом политическом публицистическом спектакле вы играете небольшой эпизод — монолог человека, предавшего самого себя...

— ...с которым случилось страшное: участник гражданской, спустя много лет, оказывается на скамье подсудимых. Это — спектакль-дискуссия, с прямыми обращениями в зрительный зал, с превращением сцены в политическую площадку, где каждый размышляет, высказывает свои мысли. Считаю, что именно такой театр — психологический — нужен нам сегодня.

— В вашей актерской судьбе было немало трудностей. Что помогало преодолевать их?

— Труд. Всю жизнь трудился. Много играл в масках. И я рад, что прошел через все это, что искал, падал, плакал, терял и приобретал. Только такая работа дает право артисту думать, что он — личность, что выдержан путь ее становления, который я назвал бы марафонским.

— Об этом, кстати, Леонов-старший говорит в своих «Письмах к сыну», обращаясь через Леонова-младшего к молодому поколению.

— Да, сыну Андрею я писал всегда: когда он был школьником, учился в театральном училище имени Щукина, служил в армии... Позже по предложению издательства «Молодая гвардия» я объединил их в одну книгу — «Письма сыну», ощутив в себе потребность поделиться жизненными наблюдениями. Замечая: многих прельщают в профессии актера ее чисто внешние проявления. Да и я сам, помню, после «Полосатого рейса» ходил счастливый: как же, стал популярен, на улице узнавали. Понять большую разницу между популярностью и признанием помог Михаил Михайлович Яншин, с кем я в то время работал в драматическом театре имени Станиславского. Он говорил о том, что надо стремиться к глубине, что работать напряженно и систематически — пожизненная обязанность настоящего артиста. И я рад, что Андрюша понимает это, что не спекулирует именем отца. Наотрез отказывается играть в фильмах, где я принимаю участие, хотя мы

и коллеги — работаем в одном театре. Есть такая замечательная пословица: «Кня можно только подвести к водопою, но напиток должен он сам». Так что пусть, раз уж пошел по стопам отца, познает трудный, мучительный путь становления личности.

Встречи для вас

Г И М Н
Л Ю Б В И

— Евгений Павлович, какое место вы отводите в этом, как вы сами называли, марафоне, моральным качествам артиста?

— Всегда вспоминаю Эйштейна: «Моральные качества выдающейся личности имеют, возможно, большее значение для данного поколения и всего хода истории, чем чисто интеллектуальные

достижения». Сказанные слова приемлемы и для артиста. Такими были Хмелев, Щукин, Высоцкий, Миронов... Они были не просто профессионалами в своем деле, но и прежде всего — носителями Правды, глубины, подлинного искусства, они умели тратить свое сердце...

— Вы вспомнили «Полосатый рейс». Потом были «Не горюй!», «Джентльмены удачи», «Осенний марафон»... Кинематограф подавал нам замечательного комедийного артиста, где-то неуклюжего, подобно Винни Пуху, где-то «приблатненного», но одинаково способного рассмешить до слез...

— Мне нравится, когда люди смеются. Кажется, греки говорили, что смех очищает сосуды. Но и комедии бывают разные. Если они взяты из жизни, если они про наше с вами общество, где много еще «отдельных недостатков», здесь уже не только смеешься... И не этим ли сильны и так живучи комедии Гайдая, Данелии, Рязанова?

Николай Караченцов,

заслуженный артист РСФСР

...Зажжены свечи. В зале — тишина. И перед нами возникает корабль, готовый отправиться в плавание. Путь предстоит далекий, история жизни русского путешественника, мореплавателя и дипломата Николая Рязанова, проложившего путь из России в Америку, полна драматизма, любовь между ним и дочерью сан-францисского губернатора Кончэтой — короткая, но яркая.

...Зрители уходили, потрясенные. Эмоциональностью, зрелищностью, хорошим пением, музыкальным оформлением (в спектакле принимает участие ансамбль «Рок-ателье» под руководством С. Рудницкого), пластикой... Но прежде всего блистательной игрой, самоотдачей всех участников спектакля «Юнона и Авось» — современной рок-оперы А. Вознесенского и А. Рыбникова. Но мало кто из сидящих в зале знал, что занятый в роли Рязанова Н. Караченцов вышел в этот день на сцену, превозмогая недомогание, так не кстати подскокившую температуру. Как он играл! Нет, он не играл, он жил вместе со своим героем,

вместе с ним любил, грезил и умирал...

— Николай, но ведь это называется самоожжением?

— А что вы предлагаете? Не выкладываться до конца, экономить себя на потом? Это невозможно. Да и не думаю я об этом. Компенсирую расход моральных сил физическими: бегаю, играю в теннис.

— Театр и кино. Такие близкие и в то же время далекие Музы. Какой из них вы отдаете предпочтение?

— Театру, конечно. Каждый день ты выходишь на сцену и заново рождаешь из себя образ, каждый раз по-разному произносишь слова: в интонации ли, мимике... И вот в руках уже новая литература, новая пьеса, и все начинается заново: копание в образе, стремление через характер увидеть и познать мир, непосредственный, живой контакт со зрителем, его сиюминутная реакция. А кинематографу я благодарен за общение со многими талантливыми артистами, возможность поучиться у них мастерству. До сих пор с трепетом вспоминаю телефильм «Старший сын» Вампилова, — начало моего пу-

ти в кино. Какой школой стала для меня работа на одной площадке с Евгением Павловичем Леоновым! Он, забыв про свою роль, входил в наши с Мишей Боярским образы, показывал, искал возможные варианты, он учил нас работать! Помню, как говорил, что талант — штука врожденная, но научить работать над ролью, научить тратить свое сердце — можно.

— Николай, а как складываются отношения в вашем коллективе? Стольким «звездам» под крышей одного творческого дома, наверное, нелегко приходится?

— Честно говоря, я не очень-то люблю это слово «звезда». Мы приходим на работу и понимаем, что на сцене, независимо от званий и популярности, все равны между собой, и все должно быть подчинено главному — завоевать доверие зрителей. Ну и, безусловно, в этом заслуга нашего режиссера, лидера формального и неформального, Марка Анатольевича Захарова. Мы верим в него, вместе с ним ищем — не дай бог повторить то, что уже делали вчера, — новые формы общения со зрителем. Играем «Диктатуру совести» и параллельно «Юнону и Авось», «Звезду и смерть Хоакина Мурьеты» — спектакли музыкальные, полные песен и пластики. Не отстать театру от жизни, быть на ступеньку выше — это особенно важно.

— Николай, знаю, что песня занимает в вашей жизни особое место...

— Да, хоть и нет у меня музыкального образования. Кто-то, возможно, и упрекает в дилетантизме, но, признаюсь, я и не претендую на профессиональное исполнение. Для меня важно не столько спеть песню, как сыграть ее. Хочу, чтобы то, что делали Утесов, Бернес, не было забыто, чтобы были их продолжатели. Каждая песня для меня, простите уж за банальное сравнение, маленький спектакль, в котором не сфальшивишь, не солжешь...

— Жаль, но через несколько дней вы уезжаете. Какие планы?

— Сейчас на киностудии «Ленфильм» я снимаюсь в главной роли у режиссера Рогожкина в фильме под рабочим названием «Мисс миллионерша». Прямо из Баку еду на съемки. Впереди гастроли нашего театра в Тбилиси и Ереване.

— И последний вопрос, Николай. «Юнона и Авось» заканчивается такой впечатляющей сценой: все участники спектакля, стоя на коленях, обнявшись, воспевают оду любви: «Аллилуйя любви, аллилуйя!». Вы верите во всепообеждающую силу любви?

— Верю. Иначе бы просто не играл. Есть в мире непреходящие ценности, и одна из них — любовь, верность этому чувству.

А. ЗЕЙНЛОВА.